

С. В. Санников

**Генезис и типология потестарно-правовых символов
германских «варварских королевств»:
к постановке проблемы**

Феномен символизма обычного права представляет собой явление, находящееся на пересечении областей познания целого ряда социальных наук, таких, как история, правоведение, культурология. Интерес европейских исследователей к данному явлению сформировался в XVIII–XIX столетиях в рамках зарождающейся социальной философии¹ и исторической школы права², и был поддержан как представителями романтической историографии³ так и сторонниками «новой исторической науки»⁴. В советской научной литературе феномен правового символизма не получил достаточного освещения в связи с господствовавшей в отечественной юридической науке легистской парадигмой понимания права. Разработка комплекса проблем, связанных с символизмом обычного права, осуществлялась в советский период, преимущественно, в рамках исследований ментальных категорий родового и феодального обществ, предпринятых А.Я. Гуревичем⁵.

Изучение элементов правового символизма в культурологическом контексте представляет, на наш взгляд, большой интерес, однако, не может являться исчерпывающим. Наиболее плодотворным представляется подход, при котором феномен правового символизма мог бы рассматриваться с применением методов различных социальных наук, в том числе, исторической науки, теории и истории права, современной культурной антропологии. Важный шаг в направлении научного анализа феномена правового символизма был сделан современными отечественными исследователями Н.Н. Вопленко⁶, А.В. Никитиным⁷, А.Ю. Глушаковым⁸, в работах которых предприняты по-

Санников Сергей Викторович, советник Администрации Новосибирской области.
Эл. почта: sannikov_s@ngs.ru

¹ Символизм права одним из первых отметил в своем исследовании итальянский философ Дж. Вико. См.: Исаев И.А. Символизм правовой формы (историческая перспектива) // Правоведение. № 6, 2002.

² Grimm J. Deutsche Rechtsalterthumer. Gottingen, 1828.

³ Michelet J. Origines du droit francais. Paris, 1837.

⁴ См., напр.: Le Goff, J. Le rituel symbolique de la vassalite // Le Goff J. Pour un autre moyen age. Paris, 1977. P. 349–420.

⁵ См.: Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1972.

⁶ Вопленко Н.Н. Правовая символика // Правоведение. 1995. № 4–5. С. 71–73.

⁷ Никитин А.В. Правовые символы. Дис. ... канд. юр. наук. Н. Новгород, 1999.

⁸ Глушаков А.Ю. Государственно-правовые символы в системе легитимации публичной власти древней и средневековой Руси IX – I половины XV вв. Дис. ... канд. юр. наук. СПб, 2003.

пытки дать универсальное определение понятию «правовой символ», осуществить классификацию правовых символов, проследить развитие государственно-правовой символики в древней и средневековой Руси.

Новым направлением исследования может стать применение концепции правовых символов к изучению процесса эволюции королевской власти и раннеклассовой государственности в рамках германских «варварских королевств», что, на наш взгляд, позволит по-новому оценить процесс письменной фиксации права в германских обществах, а также рассмотреть ряд спорных вопросов самой теории правовых символов, дополнить ее новым фактическим материалом. Особенный интерес в связи с этим представляет проблема генезиса правовых символов германских варварских королевств и их генетическая связь с институтами доклассового общества. Представляется, что при рассмотрении доклассовых и раннеклассовых обществ целесообразно вести речь не только о «государственно-правовых символах», но и о более широкой категории символов, которую мы предлагаем обозначить как «потестарно-правовые символы» (или, для краткости, «потестарные символы») ¹. Развивая предложенное А.В.Никитиным рабочее определение «правового символа» ², определим «потестарный символ» как создаваемый и поддерживаемый обществом (нормами обычного права) условный образ, отличительный знак, используемый в особом процедурном порядке, и представляющий собой видимое, либо слышимое культурно-ценностное образование (которому субъект права придает особый правовой смысл, связанный с отношениями власти и подчинения в социальной иерархии), выступающее средством легитимации верховной власти. Данное понимание потестарной символики позволит применить концепцию правовых символов к изучению институтов публичной власти не только раннегосударственных, но и догосударственных этносоциальных образований.

Вербальные потестарные ³ символы фиксируются, прежде всего, в официальных документах, в которых лицо, наделенное полномочиями публичной власти, фигурирует в качестве составителя документа (эдикта, капитулярия, письма), инициатора или участника его составления (например, «варварской правды»), в качестве адресата или объекта повествования (в переписке, хронике, историческом сочинении). В германских варварских королевствах широко представлены все перечисленные выше виды документов.

¹ В данном случае используется термин «потестарность», введенный в научный оборот отечественными исследователями: Ю.П. Аверкиевой, Ю.В. Бромлеем.

² Никитин А.В. Правовые символы.

³ При рассмотрении отдельных групп потестарных символов мы берем за основу классификацию государственно-правовых символов А.Ю. Глушакова.

В приведенной ниже таблице нами систематизированы содержащиеся в различных источниках ¹ формулы обращений к германским королям эпохи становления германских «варварских королевств».

Адресат обращения	Формула	Источник
Германские короли (франков, бургундов, вестготов и др.)	ad excellentiam vestram	Var.(III, 4), (III, 3); Epistolae Austrasicae, XL
Король франков Хильдеберт	domino excellentissimo atque praecellentissimo	Epistolae Austrasicae, XLI
Король франков Хильдеберт	Viro glorioso	Epistolae Austrasicae, XLII
Король вестготов Атанагильд	domino gloriosissimo	Epistolae Austrasicae, XXVIII
Король вестготов Рекаред	gloriosissimo atque excellentissimo... regi	Gregorius ad Recaredum regem Gothorum
Король Нортумбрии Осва	domino excellentissimo	Bedae Hist. Ecclesiast. (III, 29)
Король англов Кеольвульф	gloriosissimo regi	Bedae Hist. Ecclesiast. (inscriptio)
Король франков Хлодвиг	gloria celsitudinis tuae	Hist. franc. (II, 32)

Приведенные выше вербальные потестарные символы представляют собой, по большей части, вариацию римских потестарных символов эпохи домината, адаптированных к статусу новой варварской монархии.

Отдельный комплекс официальных титулов (имен) представлен в *intitulatio* королевских посланий и иных официальных документов. В некоторых случаях данные титулы также известны по сообщениям историков «варварских королевств», археографическим свидетельствам, а также благодаря римским источникам. Наиболее распространенными титулами (именами) являются *Flavius*, *Augustus*, и *princeps*, которые приводятся ниже.

¹ Основным сборником источников по германской истории является серия Monumenta Germaniae Historica, электронный текст см. на официальном сайте Баварской государственной библиотеки: <http://www.dmgh.de/>

Носитель титула	Титул (имя)	Источник
Теодорих Амал	flavius	Epistulae Theodoricia-nae Variae, IX.
Теодорих Амал	semper augustus	Надпись на мраморной плите в районе Terracina, Via Appia ¹
Теодорих Амал	princeps	Var. (I, 6) и др.
Теодорих Амал	dominus	Var. (III, 11) и др.
Хлодвиг Меровинг	consul aut augustus	Hist.franc. (II, 38).
Автари	flavius rex	Paul.Diac. (III.16), (III.28)
Тевдис	flavius rex	Палимпсест Леонского собора ²
Эвтарих	flavius cilliga	(Римский консул 519 г. н. э.)

Употребление императорского имени *Flavius* в отдельных случаях (Теодорих, Эвтарих) имело правовое основание, выражавшееся в официальном пожаловании германскому королю консульских инсигний. Но, в отдельных случаях (Автари, Тевдис) присвоение германскими королями императорских титулов (имен) осуществлялось без надлежащих оснований. Присвоение королями титула *Augustus* во всех случаях осуществлялось самовольно, и зачастую – в обход их официальной дипломатической линии.

Отдельную группу источников представляют юридические документы, которые также нередко содержат раздел *intitulatio*, а во многих случаях – исторические прологи, в которых также упоминаются титулы и формулы, отражающие статус короля. Ниже приводится таблица, обобщающая содержащиеся в юридических документах (варварских правдах, эдиктах, кодексах, постановлениях соборов) и хрониках королевские титулы.

Носитель титула	Титул (имя)	Источник
Король франков (Хлодвиг и др.)	dominus	Lex Salica, 1
Король лангобардов (Ротари)	dominus, vir excellentissimus	Edict.Rothari, invocatio
Король Лангобардов (Гримоальд)	dominus, gloriosissimus rex, vir excellentissimus	Grimoaldi leges, prologus

¹ См.: Cambridge Ancient History. Vol. XIV. Cambridge, 2000. P. 532.

² Boletín de la Real Academia de la Historia. T. 14, 1889.

Король вестготов (Сисенанд)	dominus noster gloriosissimus	Concilium Toletanum quartum, 1
Король вестготов (Рекаред)	dominus noster gloriosissimus	Synodus Toletana tertia, fidei confessio
Король бургундов (Гундобад)	vir gloriosissimus	Lex Gundobada (prima constitutio A)
Король бургундов (Сигизмунд)	dominus noster gloriosissimus	Lex Gundobada (prima constitutio B), 1
Король вестготов (Эвтарих)	gloriosus vir DN	Cassiodori Chronica, 515
Король вестготов (Вамба)	dominus, gloriosus	Chronica regum Visigothorum, 44-45
Король вестготов (Эрвигий)	gloriosus dominus noster	Chronica regum Visigothorum, 47

Историки германских королевств также широко используют для обозначения власти короля римские термины «potestas»¹, «principatus»², «maiestas»³, «dignitatum»⁴. Важной составляющей вербальной потестарной символики, при этом, является констатация богоизбранности короля.

На монетах вандалов традиционно употреблялось сокращения DNR (Dominus Noster Rex), DN (Dominus Noster), RX (Rex) и сокращенное, либо полное, имя короля⁵. Сходные монограммы DN, титулы REX, RIX и имя короля употребляются на остготских монетах⁶. На монете короля Аталариха присутствует изображение короля в полном вооружении, причем сокращение DN присутствует на обеих сторонах монеты, в одном случае перед именем Аталариха, в другом – перед именем императора Юстиниана⁷. Начиная со времени короля Австразии Теодеберта и короля вестготов Леовегильда широко применяется чеканка золотых монет с именем и изображением короля, заменяющим императорские⁸. Начиная с VI в. н. э. обращение римских монет в Германии существенно королей⁹.

¹ Get. 67.

² Get. 174, 246.

³ Get. 215, 218.

⁴ Paulus Diac. III, 35.

⁵ Akerman J. A descriptive catalogue of rare and unedited Roman coins. London, 1834. P. 401–402.

⁶ Ibid. P. 398–399.

⁷ Akerman J. A descriptive catalogue... P. 397.

⁸ Клауде Д. История вестготов. СПб., Евразия, 2002. С. 118.

⁹ См.: Bursche A. Circulation of Roman Coinage in Northern Europe in Late Antiquity // Histoire&Mesure. Vol. XVII.

Описывая процесс принятия власти, Иордан упоминает наделение соответствующими знаками власти (*potestatis insignia*)¹, принятие которых означает для Иордана, по-видимому, наделение лица «королевским величием» (*fastigium regali*)². Не вполне, однако, ясно, а каких именно знаках власти идет речь. К примеру, рассматривая отрывок «Амал Винитарий удержал все знаки своего господствования (*principatus sui insignia retinente*)»³, возможно предположить, что в данном фрагменте выражение «*principatus insignia*» употребляется фигурально, подчеркивая лишь характер власти Винитария. Однако в другом фрагменте сочинения можно встретить более конкретное упоминание материальных знаков, символов власти, когда при погребении «пронесли тело великого короля (*tanti regis*) с его знаками величия (*cum suis insignibus*)»⁴. Данные символы величия, таким образом, сопровождали короля даже в последний путь.

В сочинении Павла Диакона содержится свидетельство, указывающее на то, что короля сопровождали в последний путь его украшения и оружие. Как отмечает автор, «Гизельперт, прежний герцог веронский (*dux Veronensis*), приказал открыть гробницу Альбоина, вынул оттуда его меч (*spatam eius*) и все находившиеся там украшения (*et si quid in ornatu ipsius inventum*)»⁵. Традиция погребения королей в сопровождении парадного вооружения и большого количества ценностей находит подтверждение в археологическом материале королевских погребений эпохи Великого переселения, в частности в погребении франкского короля Хильдерика⁶.

В материале североевропейских погребений знати нередко присутствует особый штандарт, описание которого встречается в произведении Беды Достопочтенного: «Перед ним (*королем англов – С. С.*) несли штандарт (*vexillum*), именуемый римлянами «туфа», а англами «туф» (*quod Romani tufam, Angli appellant thuuf*)»⁷. В произведении Павла Диакона содержится свидетельство того, что поражение короля и войска могло сопровождаться лишением данного символа власти, что воспринимается автором как лишение самой королевской власти⁸. Данный потестарный символ, по всей видимости, восходит к родовым сакральным символам, которые, согласно описанию Тацита, хранились в священных рощах, и выносились оттуда во время битв⁹.

¹ Get. 278.

² Get. 171.

³ Get. 246.

⁴ Get. 214.

⁵ Hist. lang. II, 28.

⁶ См.: James E. Burial and Status in the Early Medieval West // Transactions of the Royal Historical Society, Fifth Series, Vol. 39, (1989), P. 23–40.

⁷ Hist. lang. II, 16.

⁸ Hist. lang. I, 20.

⁹ Тацит. Германия, VII.

Важный комплекс предметных потестарных символов связан с облачением короля. Иордан в своем сочинении обращает внимание на то, что король остготов, принимая римский административный титул, «снял с себя частное платье и одежду своего племени (*privatum abitum suaeeque gentis vestitum seponens*) и принял пышное царское облачение (*insigne regio*) уже как правитель готов и римлян»¹. Описание аналогичного обряда принятия триумфальных символов римских консулов, совершенного королем Хлодвигом, содержится и в произведении Григория Турского: «В базилике святого Мартина его (*Хлодвига – С. С.*) облачили в пурпурную тунику и мантию, а на голову возложили венец»².

По всей видимости, германский нобилитет уже в эпоху Великого переселения проявлял выраженную тенденцию к восприятию римской потестарной атрибутики. Весьма ценным в данном отношении является свидетельство Сидония Аполлинария, описавшего знатного франкского юношу эпохи Великого переселения народов, одежда которого «из пурпура и белого шелка была украшена золотом»³, что напоминает потестарную символику римских патрициев, включавшую пурпурную мантию-трабею, белый плащ, отороченный пурпуром, а в древнейший период – также вышитые золотом мантии⁴.

Подобное облачение не характерно для традиционного германского общества, и германцы в отдельных случаях стремились подчеркнуть преемственность древнегерманских традиций. Согласно свидетельству Исидора Севильского, король вестготов Леовигильд «первым сел на трон в королевских одеяниях; ибо прежде правители носили те же одежды и сидели на тех же сидениях, что и остальной народ»⁵. Отдельные древнегерманские атрибуты королевской власти (такие, как длинные волосы у франков) сохраняли определяющее значение вплоть до окончания эпохи раннего средневековья.

Согласно представлениям раннесредневековых авторов, король приобретает свой статус лишь после процедуры принятия власти⁶. Характеризуя процесс наделения лица королевской властью в древнегерманском обществе, нам представляется возможным выделить две различные процедуры, отраженные в тексте источников: 1) передача и принятие королевского титула (королевского достоинства); 2) возведение в королевское достоинство (возведение на престол). Разделение данных процедур наиболее четко прослеживается в следующем свидетельстве Павла Диакона: «Агилульф, бывший родственником короля Автари по матери, принял на себя в начале ноября королевский титул (*regiam dignitatem*). Но на пре-

¹ Get. 295.

² Hist. franc. II, 38.

³ Цит. по: История средних веков / Стасюлевич М.М. М., 1999. С. 90.

⁴ См.: Кофанов Л.Л. Lex и Ius: возникновение и развитие римского права в VIII–III вв. до н. э. М., 2006. С. 275.

⁵ Hist. goth., 51. По: Клауде, Д. История вестготов. С. 117.

⁶ Get. 73, 252. Hist. lang. IV, 30.

стол его возвели (in regnum... levatus est) только в мае месяце, на всеобщем собрании лангобардов в городе Милане»¹.

При описании процесса наделения Торисмуда королевским титулом, Иордан отмечает, что готы передали наследнику власть, «...гремя оружием (armis insonantibus)»². Использование оружия при передаче королевской власти является указанием на соответствие рассматриваемого действия древней германской традиции, согласно которой считалось, что «воздать похвалу оружием (armis laudare)... самый почетный вид одобрения»³. Аврелий Кассиодор, описавший в одном из своих посланий обстоятельства избрания остготского короля согласно «обычаю предков» (more maiorum)⁴, отмечает, что данная процедура совершалась «среди обнаженных мечей... не в тесноте покоев, но в широком поле... под рев военных труб»⁵: «...наши соплеменники готы, по обычаю предков, среди обнаженных мечей, подняв на щит, принесли нам знаки королевского достоинства... чтобы оружие даровало почет тому, кто уже стяжал славу на поле брани»⁶. В произведении Тацита содержится описание древнегерманского ритуала, согласно которому после процедуры аккламации новопровозглашенного короля «ставили на большой щит и поднимали на плечи»⁷. Описание сходного действия можно встретить и в сочинении Григория Турского, в фрагменте, повествующем об избрании Хлодвига королем кельнских франков: «Как только они (франки – С. С.) это услышали, они в знак одобрения стали ударять в щиты и кричать (plaudentes tam parmibus quam vocibus), затем подняли Хлодвига на круглом щите и сделали его над собой королем (super se regem constituunt)»⁸.

Процедура возведения избранного короля на престол, составляющая вторую часть процесса наделения королевской властью, известна по фрагменту, сохранившемуся в сочинении Павла Диакона: «Адалоальд, в цирке Медиолана, в присутствии своего отца, короля Агилульфа и послов Теудеперта, короля франков, был возведен в королевское достоинство над лангобардами (levatus est... rex super Langobardos)»⁹. Присутствие послов франкского короля Теудеперта при возведении на престол короля лангобардов, на наш взгляд, отражает рудимент обряда усыновления по оружию, согласно которому сын короля проходил инициацию, получая оружие «от

¹ Hist. lang. III, 35.

² Get. 215.

³ Tacitus. Germania, XI.

⁴ Var. X, 31.

⁵ Цит. по: Корсунский А.Р. Возникновение феодальных отношений в Западной Европе. Вып. 2. М., 1968. С. 27.

⁶ Там же.

⁷ Тацит. История IV, 15.

⁸ Цит. по: Григорий Турский. История франков. М., 1987. С. 58.

⁹ Hist. lang. IV, 30

короля какого-нибудь другого народа (a rege gentis exterae)»¹. Принятие королевской власти, как можно заключить из свидетельства Григория Турского, сопровождалось принесением королю присяги на верность и оказанием ему «королевских почестей»².

Описанные процедуры принятия королевского титула и возведения в королевское достоинство представляют собой различные этапы эволюции одного и того же процессуального потестарного символа. В рамках германских «варварских королевств» прослеживается уникальная ситуация, при которой старый и новый процессуальные символы в течение определенного времени сосуществуют и даже дополняют друг друга. Таким образом, анализ потестарно-правовой символики германских «варварских королевств» дает нам многочисленные свидетельства рецепции римской потестарной символики, синтеза римских и германских потестарных символов, а также эволюции ряда древнегерманских культурно-символических комплексов, сопровождавших становление ранних форм королевской власти у германских народов.

Проникновение римской потестарной символики в германскую культуру, достигающее своего апогея в рамках германских «варварских королевств», является результатом длительного процесса культурного взаимодействия, и прослеживается начиная с эпохи позднего латена и раннего римского железного века Северной Европы. Идея единой державной, божественной власти, чуждая традиционному германскому обществу, стала своеобразной моделью для *imitation*³ со стороны германских королей. Использование латинизированной потестарной символики носило характер идеологической борьбы за правопреемство императорской власти на территории Западной Римской империи, что оказалось впоследствии одним из определяющих факторов многочисленных варварских «Возрождений» (остготского, вестготского, каролингского, оттоновского).

Результаты исследования говорят о том, что политогенез германских народов носил вторичный характер, факторами которого являлось влияние целого ряда европейских и азиатских иерархических структур, а также позволяют выдвинуть предположение, что государственно-правовые символы происходят не просто от общезначимых, но именно от потестарных символов, генетически восходящих к атрибутам престижа и сакральным родовым символам, характерным для акефальных обществ.

¹ Цит. по: Павел Диакон. История лангобардов // Памятники средневековой латинской литературы IV–IX вв. М., 1970.

² Hist. franc. III, 14.

³ Var (I, 1).